

Анатолий ГРЕШИЛОВ

Железногорск

Анатолий Васильевич Грешилов родился в Белгороде. Работает в проектном институте. Заслуженный архитектор России. Автор двух сборников стихов и прозы. Стихи и рассказы публиковались в «Новом Енисейском литературере», в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Гостиный Двор» (Оренбург), «Стрежень» (Тольятти), в антологиях одного стихотворения, «Енисейская новелла», в сборнике красноярских писателей «Послание во Вселенную».

ЗАМОК АНГЕЛА

Однажды на чертёжном столе с ручным механизмом подъёма доски, среди эскизов и обрезков карандашной кальки, пачкающихся графитом, обнаружили печатные листки, сколотые блестящими латунными скрепками. Такие выдавались ежемесячно, но только в бюро главных инженеров проекта, коротко — БГИ. Два задания на проектирование: спецшкола-интернат, на улице Ленина в районе Стрелки, и Дом молодёжи, рядом с недавно возведённым на правом берегу Енисея танцевально-концертным залом.

По неведомой для исполнителей необходимости за этими заурядными наименования временно скрывались подлинные имена: институт искусств и театр юного зрителя (о нём отдельный рассказ). Оба — к предстоящему тогда юбилею Красноярска.

Место, отведённое под строительство института искусств на незастроенной стороне улицы Ленина в районе Стрелки, оказалось высоким обрывом, круто ниспадающим сразу от уличного тротуара и тянувшимся покатостью до самой реки Качи. Ещё не набравшее силу утреннее июньское солнце задержалось под прямым углом к склону, запутавшись мягкими лучами в зарослях дикой осоки и мелкого колючего кустарника. Поперёк косогора — зигзаг тесной тропки, приводящей к деревянной хижине с остатками почерневшего дощатого забора и лавочкой у калитки. Парочка, разомлевшая на солнышке и безмятежно восседавшая на ней, вдруг прытко собрала снедь и юркнула внутрь.

— Чего это они там? — дивился я.

— Увидели двух мужиков с папками и в пиджаках, — мой начальник отдела Алексей Борисович упёрся руками в бока. — Не догоняю, как на таком рельефе раскидать целый институт. Виталий — за террасы, но площади мало. Сроки жмут. Есть намётки?

— Смутно. Есть желание не спускаться по рельефу, а пойти прямо и выше с этого тротуара, и там уже могло быть всё оно.

— О, как замок Ангела?

— А, ну да. Как в этом, как его?

Давно за полночь. На табуретке в кухне однокомнатной хрущёвки «строю» здание искомого института приятными на ощупь брусочками из фанерной коробки детского набора «Строитель». Пять буковых прямоугольников веером вокруг куба. За остеклённой дверью спит беременная жена. Видевший её на улице мой коллега Виктор Чопенко уверенно заявил, что, судя по форме живота, будет девка. С той ночной игры в кубики и стала конкретно прорисовываться планировочная схема здания института искусств на крутом рельефе места посадки. Движение к главному входу в здание с уровня улицы Ленина — по эксплуатируемой кровле художественного факультета, как по эспланаде пешеходного моста, в центральный вестибюль, и там уже расходиться по другим корпусам по внутренним парадным лестницам.

Согласовывая архитектурные чертежи, васильково-окая женщина — эксперт в управлении культуры — одобряла моё, с её точки зрения, правильное решение взять за основу планировочной компоновки обеспечение шумоизоляции в обособленных корпусах. Я согласно кивал, не желая её разочаровывать и сознавая, что, компоная, совершенно не учитывал шумоизоляцию, столь необходимую в подобных помещениях, а всё как-то само так вышло. Импозантный начальник отдела искусств краевого управления культуры крайисполкома после непродолжительной беседы спрашивал, что нужно от него молодому человеку.

— Автограф, — отвечал, каким-то чутьём угадывая в чиновнике глубоко затаённую с молодых ногтей и нереализованную тягу к высокому актёрскому служению.

С Геннадием Леонидовичем встречался и позже по вопросам этого же объекта и культурно-исторического центра для Спасском мужского монастыря в посёлке Удачный.

Выступавшие на градостроительном совете Граждан-проекта Эдуард Панов, Виталий Орехов, Арэг Демирханов были, в общем-то, немногословны, рекомендуя наше решение к дальнейшей разработке на стадии рабочих чертежей. Виталия удивила скорость нашего включения в работу: мол, за такие сроки они бы не взялись. Владимир Шадрин, обсуждая представленный рабочий макет здания, не согласился с «преувеличенным масштабом» здания относительно существовавшей тогда окружающей застройки и рекомендовал исключить второй свет в вестибюле. В итоге наша делегация, возглавляемая замом директора, согласилась с этим. Как автор, я был против. Ныне застройка Стрелки неузнаваема, иным стал и масштаб окружения. Время показало: эксперт был неправ.

Для уточнения генпланных решений в очередную поездку в Красноярск отправился с коллегой Костей Поповым. В мастерской Виталия Орехова слушали его анекдоты и рассказ о турпоездке и трещинах в монолитных полах стадиона Кэндзо Тангэ по причине недостаточного наличия температурных швов, чему Виталий про себя порадовался: не только мы делаем ошибки, но и знаменитые японцы. Сообща пришли к общему предположению: японцы для нас как инопланетяне и мыслят неожиданно и всегда по-иному. Может быть, это специально предусмотрено для выявления естественных свойств этого типа монолита. Потом они разошьют образовавшиеся трещины и оформят их в виде настоящих температурных швов. Трудно поверить, но позднее в переводном журнале, в информационной подборке техотдела, прочёл о таком приёме в монолитных полах. Только писалось о другом объекте и в другой стране, но автором был всё тот же Кэндзо Тангэ.

Так сложилось, что из всех известных архитекторов Красноярска больше и плодотворнее я общался с Виталием Ореховым. Может, по известной причине: он весьма общительный, я «несколько замкнут». Так написал в моей

характеристике, со слов рядового Николая Тюлякова, исполнявшего в нашем летнем военном лагере должность писаря, преподаватель на военной кафедре нашего института полковник Табулович, командовавший нашей студенческой ротой.

Пофилософствовали об усреднённости всего. В природе всё стремится к равновесию и к средним показателям. Взять человека. Маленького роста всегда спину выпрямляет, держит голову высоко, сам часто задирист. Стараясь выглядеть выше, любит каблуки. Высокий, как правило, сутул, и характер мягче, с ним легче договориться. Тянется как бы к средней планке, только с виду большой и грозный. Указывая на меня: вот как он, например. Эти нюансы надо бы учитывать при общении в нашей, да и в любой, профессии. На куске кальки, наложенной на генплан, нарисованный нашим генпланистом Константином Поповым, Виталий рисовал размещение тротуара и дороги от улицы Ленина мимо института искусств до моста через Качу и далее до строящегося по его проекту Дворца пионеров. Он эту дорогу то выпрямлял, прижимал близко к нашему зданию, что не нравилось нам, то отодвигал, реагируя на нашу реакцию. И, наконец, Константин твёрдой рукой генпланиста провёл прямую линию и объявил:

— Вот она, усреднённая!

— А как они вышли на нас, кто бы мне сказал?.. — разговаривал сам с собой главный инженер проекта, изучая моё командировочное удостоверение и задание, пока я растирал почти обмороженные под кепкой уши на непрерывном, неожиданно ледяном и влажном питерском ветру. Всю сценическую технологию и акустику для наших объектов в полном объёме разработали приятные в общении, много курящие женщины и неуловимый акустик в проектной организации Гипрокино, в старинных интерьерах с очень неудобной планировкой и крохотными санузлами в неожиданных местах. А акустика в театральном зале института искусств, бесспорно, удалась.

Отмечал это и Арэг Демирханов, намеренно перемещаясь по залу во время концерта, посвящённого открытию

института искусств. Задолго до этого события обсуждал с ним вид и материал покрытия наклонной кровли как элемента фасада. Вначале я намеревался применить объёмные ромбовидные элементы из листового алюминия. Впервые применил их на треугольной наклонной кровле Железнодорожного Дворца бракосочетаний. А позже — на куполах и главках собора Михаила Архангела, Воскресенского храма в Подгорном и других, но уже из нержавеющей стали с покрытием под сусальное золото. Наклонная кровля применена и Арэгом в его Большом концертном зале, но позже нашей. Согласился с его мнением, что курение — вред и что в данном здании уместнее не «ершистая» поверхность, но однородная плоскость из долговечного кровельного материала по типу профнастила.

Регулярно наезжавшему в Гипрокино, мне отвели свой рабочий закуток в углу коридора, возможности миновать который не был лишён только акустик. Удивляло размеренное, неторопкое течение рабочего процесса без необходимости срочных решений в неотступные сроки. Наведываясь по работе далеко не единожды сюда и на архитектурные советы в качестве главного архитектора и начальника отдела гражданского проектирования ВНИПИЭТ в наш питерский головной институт, славные зодчие которого создавали исторические кварталы Железнодорожска в послевоенном ампирическом стиле народа-победителя, посчастливилось много и вольно побродить во все времена года в искусно прорисованных непревзойдёнными мастерами каменных декорациях северного романтического града при неудовлетворительной погоде. Часто неудовлетворительной. Почти всегда. Всегда.

Еженедельные оперативки на стройплощадке будущего СГИИ я именовал между своими «театром одного актёра» в строительном вагончике, плотно вместившем кураторов от заказчика, проектировщиков, прораба, часто субподрядчиков. «Актёром» был начальник СМУ № 6 Герман Яковлевич Шапочкин, который вёл оперативные совещания. Его трубный голос, заглушающий работающий компрессор, был слышен ещё на подходе к объекту. Виртуозно «переводил стрелки», иногда роняя таблетки и убеждая в

своей абсолютной невинности за брак и сорванные сроки приезжавшего на объект, находящийся под контролем партийных органов, первого секретаря нашего горкома партии Леонида Кузьмича Пашкова. Мягкий, человечный и добрый в жизни, первый секретарь, поддаваясь влиянию опытного обладателя мощной харизмы, на глазах будто впадал в транс и, алая лицом, объявлял проектировщикам, что они все уволены, о чём должны сообщить своему директору сегодня же сразу по приезде.

Как-то Герман Яковлевич самовольно выкрасил простенки между вертикальными панелями в колер, далёкий от проектного. На замечания, в свою правоту, ссылаясь на ответ мэра нашего города на его вопрос о цвете: «Радует глаз». Точку в споре поставил главный архитектор Красноярска Эдуард Панов, написав в адрес подрядчика: «Цвет дамского неглиже на фасадах института искусств заменить на проектный колер». После этого подрядчик устранял замечания авторского надзора, но в моменты сильного возбуждения называл личными врагами. Стройка была продолжительной, с большими перерывами: «не счесть алмазов в каменных пещерах», как тамошних не счесть оперативок.

Здание ещё строилось, а первая очередь уже принимала первых студентов. Был среди них и тот, чьё имя носит сегодня институт искусств. Мы были на студенческом концерте в зале СМУ № 6. Он назывался, кажется, шефским или что-то подобное. Запомнилось, что все выступавшие были артистичны и очень старались.

Помню, незадолго до нынешней реконструкции и восстановления Покровского храма там была устроена какая-то выставка. На стене алтаря, заставленного жестянками, под мерную дробь капели с протекающей крыши любуюсь старинной жёлтой фотографией панорамы нынешней улицы Ленина со стороны Качи. Знакомое место. Таким оно было век назад, таким оставалось и до начала нашей стройки. Фото как будто вчерашнее и нарочно состаренное.

— Согласен, и мне тоже это место знакомо, и фотка не дагеротипная из камеры обскура, а как бы на днях снято, — по-своему озвучил мои мысли знакомый голос за спиной.

Общительный, словоохотливый, всезнающий близкий родственник и представитель нашего подрядчика и его отражение с противоположным знаком, Тоже Яковлевич поведал тогда об усадьбе купцов Ларионовых, что напротив, через дорогу от института. Дом хорошо виден на жёлтом фото. Будучи коннозаводчиками, весь конский навоз сбрасывали туда, где сейчас забиты сваи институтских корпусов. Так поступали повсеместно по берегам Качи, затрудняя пожарной команде доступ к воде.

Правее — Благовещенская церковь. Помнится, там размещалась какая-то мехозаготовительная контора. Эта случайная встреча с Тоже Яковлевичем, очарованным странником в нашем мире, в алтаре кафедрального собора была последней.

Тяжелы бумажные бобины в упаковке, которые заряжались в тогдашние машины, печатающие чертежи формата А1. Эти цилиндры, наверное, по весу подобны переносным ракетным установкам типа «Стрела». «Вооружённый» тремя «Стрелами», выдвигался я в столицу по предварительной договорённости с проектным институтом Гипроттеатр. В составе проектируемого института искусств предусмотрен театр со всеми необходимыми помещениями для зрителей, артистов и полноценной сценой. На уровне первого этажа — малый универсальный зал. Для достижения гарантированно высокого качества нашего проекта решено было дополнительно изучить и учесть технологические проектные разработки проектировщиков, специализирующихся только на этой теме. В Донском монастыре, где находились их архив и типография, с разрешения начальствующих в свободном доступе составил заявку на размножение по своему хотению выбранных проектных материалов и отправку их к нам по готовности. Совершенно невозможное сегодня, ибо ныне всё это — коммерческая тайна.

Познакомился в коридоре со спешащим куда-то Виктором Александровичем Шульрихтером, автором ТЮЗа в Ярославле. Знал об этом интересном, строящемся тогда театре по целевым информационным материалам нашего техотдела. На мой вопрос к убегающему, в каком состоянии находится сейчас Ярославский ТЮЗ, отвечал:

— В состоянии агонии!

Владилен Дмитриевич Красильников, главный архитектор Гипротейтра, внешне похожий на моего старшего брата, на обратной стороне своей визитки (сохранилась в старой книжке) написал уважаемому Виталию Михайловичу, главному механику музыкального детского театра Натальи Ильиничны Сац, просьбу ознакомить меня и моего технолога Анатолия Комана с технологией театра. Так, воочию, в сопровождении хозяина, увидеть, как функционирует изнутри, от верхних колосников до трюма под сценой, уникальный, первый в стране постоянный музыкальный театр для детей и юношества, — большая удача. Механик Виталий сетовал на режиссёра, который, вопреки его мольбам, заставляет молодую актрису по ходу действия садиться прямо на красную линию, на которую автоматически упадёт многотонный противопожарный занавес, когда сработают датчики. Признался:

— Я тогда весь в напряжении. Как-то кнопку подложил. Не, даже не шелохнулась.

В девяностые на брошенных строителями, по известным причинам недостроенных блоках, прозванных за схожий силуэт «Сфинксом», гуляли не знающие уёму злые ветра и заблудившийся люд. Иногда бродил и я по гулким и пыльным этажам беззаконных бетонных коробок, запинаясь и гоняя шарики керамзитового гравия, вспоминал назначение различных помещений с робкой надеждой увидеть их когда-нибудь в полной великолепной завершенности. В центральном объёме над вестибюлем — театральный зал с колосниковой сценой, объём фойе, выступающий над главным входом. Спускаюсь по парадным лестницам до первого этажа: студия звукозаписи, малый органный зал. К центральному объёму примыкают специализированные учебные блоки: театр, музыка, вокал, балет, спортивный зал, администрация. Там, где сейчас кабинет ректора, в шве кладки стены (как в Стене Плача) «замуровал» короткую записку с мольбой к высшим силам о подмоге этой стройке.

С планом и намётками статьи о бесхозном долгострое, грозящем «Сфинксу» необратимыми процессами,

по рекомендации подрядчика, обратился в «Красноярский комсомолец» к журналисту Татьяне Бочаровой. Отредактированный текст прочёл в её кабинете на девятом этаже административного здания в районе Копыловского моста. Сотрудник, придумывающий заголовки, предложил всплывшее в его памяти «Чудище обло», но никто не мог вспомнить первоисточник этого выражения. Напрасно звонили в отдел культуры, ещё куда-то. Интернета тогда не было. Литература — один из любимых моих предметов в школе. Может быть, зрительная память подсказала, что виделись когда-то эти строчки отдельно от текста. Ну конечно, это же эпитафия! О крепостном праве, у Радищева. Из краевой библиотеки подтвердили: эпитафия к «Путешествию из Петербурга в Москву». В общем, «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй».

Весьма студёной порой, пребывая в Красноярске, заглохшую стройку посетил легко одетый министр культуры Михаил Ефимович Швыдкой. Подвижный, как большой ребёнок, забывший где-то перчатки и головной убор, не обещал многого, не сомневаясь в необходимости этого объекта для города. Возможно, его пробежка по замороженной стройке в летних туфлях умилила суровых сибирских духов этого места и сподвигла их вымолить у высших сил, пробудить от сна и здравствовать ныне и вечно высшему учебному заведению, подобного которому, как заверяли в минкультуры края, нет за Уралом.

О незавершённом. На уровне парапета главного фасада с первых проектных решений предусмотрено размещение над вертикальными пилястрами скульптур. Музы — покровительницы искусств: Мельпомена, Талия, Терпсихора, Евтерпа, Полигимния, Эрато. Материалом, для оценки стоимости, была предусмотрена выколотка по листовой меди с внутренним несущим каркасом. В реальности материал должен определить автор скульптор с учётом современных технологий.

Часто общался по ним с хорошо знакомым мне художником-монументалистом Валерием Александровичем Григорьевым. Вместе рисовали волны реки Тель для его панно

с одноимённым названием. Обозвал тундрой за то, что не смог переломить ствол его ружья с хитрым предохранителем. Помню, попутно эскизы и фотоальбом его произведений возил в Минсредмаш (Росатом ныне) Александру Васильевичу Короткову, собиравшему материалы на звание академика. Встречался по теме муз со скульптором Юрием Павловичем Ишхановым. С ним на площадке перед институтом определили место размещения художественной объёмной композиции из листовой меди на парапете главного входа института искусств. Она долго простояла там и перенесена на восстановление при относительно недавнем обновлении парапетов и покрытия.

Скульптор Арчын Баданов, будучи студентом Красноярского художественного института на кафедре скульптуры у профессора А. Е. Ткачука, делал тогда и успешно защитил дипломную работу по музам на институте искусств.

Его оригинальная трактовка неоспоримо талантлива. Образы динамичные, живые и как бы наполненные енисейским бризом. Отлично вписываются в архитектуру здания. В скверике института размещён монумент Д. А. Хворостовского, он был студентом и спонсором строительства здания института. Мемориал знаменитого земляка обязывает нас завершить архитектурный облик храма искусств, справедливо названный его именем.

Шли годы. С Германом Яковлевичем, который называл меня когда-то своим личным врагом, встречались уже на других объектах, включая недавние высотные жилые дома на Копылова, по-дружески. С Леонидом Кузьмичом, в его бытность помощником депутата А. Ромашова, вместе с «мастером золотые руки» Владимиром Крюковым, мы построили красивую полковую церковь на территории войсковой части. Её устремлённый ввысь шатёр сегодня будто парит над казарменной оградой, что вдоль чётной стороны улицы Школьной супротив окон жилого дома № 57.